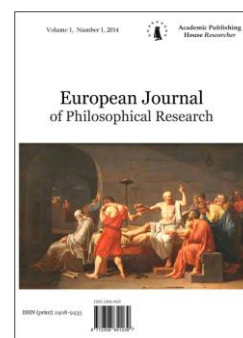

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 1, No. 1, pp. 54-64, 2014

DOI: 10.13187/ejpr.2014.1.54
www.ejournal17.com

UDC 168

Philosophy of Time

Boris V. Markov

St. Petersburg State University, Russian Federation
7/9, Universitetskaja naberechnaja, 199034, St. Petersburg
Dr. (Philosophy), Professor
E-mail: bmarkov@mail.ru

Abstract

The time flows irrespective of our desire. But the statement that we don't dominate the time is wrong. Actually, society incurs measurement of time, schedules the life. The church bell, the striking of city tower clock, the factory whistle install the social order. Today, every adult has watch, but it does not mean that people are masters of their time. It is still organized by a society as a daily order of life, thus perceived as natural. A priori the structure of time is not limited to the schedule, it defines the order of the present perception, as well as imagination and memory. The above actualizes the consideration of time in anthropological prospect.

Keywords: time; genealogy; hermeneutic; duration; history; present; memory; space; existence; number.

Введение

Время представляется как нечто более загадочное, чем пространство. В одном из парадоксов Зенона (чтобы прошла 1 минута, необходимо, чтобы прошла $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$ минуты и т.д. до бесконечности) сталкивается естественное переживание времени как непрерывного становления с его теоретическим описанием, основанным на пространственной метафоре деления. Глава о времени в «Метафизике», в которой Аристотель стремился избежать парадоксов линейной концепции, и по сей день является одним из сложнейших текстов в мировой философии. Греки различали два режима времени – «хронос» и «кайрос» (вдруг). Один модус характеризует периодичность, равномерность протекания времени, другой – случайность, непредсказуемость становления.

Христианство открыло историческое, точнее эсхатологическое время. В «Исповеди» Августина описаны мучительные сомнения понимания сущности времени, которые цитируются вновь и вновь, и особенно в периоды перехода от одной научной парадигмы к другой. Речь идет отнюдь не о том, чтобы создать более точные механизмы для изменения времени, а о том, чтобы найти адекватные понятия, которые в каждую историческую эпоху формируются по-разному.

Время может мыслиться как объективная длительность, процесс становления вещей. Однако рассудок, создавая теорию, абстрагируется, от изменения. Например, классическая физика мыслилась как одномоментное и тем самым вневременное описание вселенной, включая время и движение. Это достигается на основе допущения божественного

наблюдателя. Есть Бог как условие чуда, и есть Бог философов и ученых, выступающий условием возможности постоянства природы, без которого наука невозможна. Интенция однородной среды, где однажды существующие предметы не изменяются, если на них не действуют какие-либо силы, служит основой абстракции пространства. Она описывает реальность без качеств – гомогенную чистую и нейтральную среду. То, что ее наполняет (силы, объекты, качества) – это отдельные сущности, которые взаимодействуют между собою без какого-либо участия пространства, выступающего в роли своеобразной сцены, на которой разыгрывается спектакль вещей. Поэтому время или исключается, или описывается на основе пространственных аналогий.

На самом деле пространство, в котором мы живем вовсе не однородно. Конечно, наука может абстрагироваться от разного рода социальных и культурных пространств, в которых различные места имеют различные качественные характеристики. Но рассудок не может справиться, т.е. непротиворечиво и обоснованно помыслить простейшее человеческое различие правого и левого. Поскольку в пространстве все направления одинаковы, это различие оказывается недоказуемым. Или, точнее они доказываются как тождественные: левая перчатка – это просто вывернутая правая. Точно также для рассудка, строго говоря, нет различия прошлого и будущего, ибо логическая структура объяснения и предсказания оказываются аналогичными. Это возможно благодаря тому, что для него, по сути дела, значимым является только настоящее, которое “протянуто” в прошлое и будущее. Так время оказывается всего лишь измерением пространства.

У времени нет собственного языка, оно мыслится посредством метафоры “потока”. Вместе с тем, время относится к числу основополагающих понятий (наряду с материей, движением, причиной, сознанием и др.), которые не поддаются полноценному определению при помощи более общих понятий, ибо образуют своеобразную “семью” с собственными внутренними отношениями и иерархиями, где члены или элементы этой автономной системы отсылают друг к другу. Образ времени как потока, в котором все существующее в настоящем плывет из прошлого в будущее, стало подвергаться сомнениям по мере критики ньютоновских понятий абсолютного пространства и времени. В классической физике пространство и время представлялись как вместители всех вещей, событий и процессов. В этой простой модели есть несколько трудностей. Одна из них в том, что метафора «время течет» предполагает вопрос, с какой скоростью оно течет. Но этот вопрос, по сути, разрушает классическую модель движения, скорость которого определяются на основе времени.

В классической философии содержание сознания считалось вневременным, что вызвано абсолютизацией логики и математики. Именно их господство обуславливает гомогенизацию как бытия, так и сознания. Первоначально в психологии был поставлен вполне конкретный и на научной основе обсуждаемый вопрос о том, как сознание отображает время. Последнее сводилось к последовательности перехода от одного состояния к другому, что предполагало систематизацию становления в форме дискретного ряда определенных единиц. Объективное время течет так сказать в одну сторону. В нем, строго говоря, нет прошлого и будущего, а только настоящее, которое выступает как некая единица (Теперь) прибавляемая к ряду уже прошедших моментов. Точнее говоря, прошлое и будущее сводятся в таком количественно-математическом понимании времени к вычитанию или прибавлению дискретных “теперь”. Поэтому возможно как объяснение, так и предсказание, которые аналогичны по своей логической структуре, ибо ничего не убавляют и не прибавляют к самим законам, а лишь учитывают убывание или рост моментов времени, которые сводятся к изменению количества материи или движения. Если прошлое, настоящее и будущее симметричны и транзитивны с точки зрения механики, то, кажется, что дело обстоит совершенно иначе с человеческой жизнью, где время необратимо и где прошлое необъяснимо, настоящее непостижимо, а будущее непредсказуемо. Сознание постигает время восприятием, памятью и воображением, но они несводимы к четким логическим принципам, слишком капризны. Поэтому психология ориентировалась на научную теорию времени. Базисом понимания работы сознания стала ассоциативная теория, на основе которой объяснялось происхождение общих понятий и законов. Согласно ей, восприятие отражает моменты «теперь», которые суммируются памятью, подвергаются логической обработке и затем устойчивые компоненты экстраполируются в будущее. “Капризы” памяти, “ошибки” восприятия, “фантазмы” воображения, как свидетельствуют

сами употребляемые эпитеты, считаются искажениями логики и фактов. Они нуждаются в коррекции, на что, собственно, и ориентировалась психология, ставившая своей целью лечение человеческого разума от описанных еще Бэконом "идолов". Однако логика нивелирует познание современного, воспоминание прошлого и предвосхищение будущего. Научное понимание мира делает все это ненужным.

Хотя философия критически настроена относительно редукции времени к перемещению в пространстве, а движения к суммированию состояний покоя, тем не менее, научные представления о времени отождествляются с объективным физическим временем. Ничего подобного нет в гуманитарных науках, где отсутствуют "протонаучные" понятия, задающие универсальные масштабы описания и измерения. Понимание своеобразия исторического времени связывают с именами Вико и Лейбница. Историзм видит в прошлом ростки настоящего и описывает историю как постепенную эволюцию. Гегель разработал более сложную модель прогрессивного развития, в которой учитываются случайности и качественные изменения. Однако телеологическая посылка присутствует и в «спиралевидной» модели, так как борьба противоположных сил оказывается, по Гегелю, средством реализации высшей цели, в качестве которой выступает настоящее.

То, что гуманитарии называют веком историзма, у естествоиспытателей называется эпохой эволюционизма. Теория Дарвина стала образцом и примером не только естественных, но и гуманитарных наук. Точно также как у Дарвина виды становятся изменчивыми (из обезьяны возникает человек), у Гегеля понятия становятся подвижными, текучими. В конце XIX – начале XX вв. идея прогресса подверглись критике со стороны Кьеркегора. Пожалуй, наиболее ярким выражением как надежд, так и сомнений относительно возможностей историзма являются работы Маркса «Нищета историзма» и Ницше «О пользе и вреде истории для жизни». Сегодня историзм расценивается как форма позитивизма.

Время как длительность

Основоположники феноменологии и герменевтики предприняли попытки определить темпоральность человеческого существования. В науке пространство определяется как порядок сосуществования, а время – последовательности. Однако, если вдуматься, то последовательность – это тоже пространственное понятие. Она реализуется не как точки в пространстве, а организуется наподобие звуков в мелодии. Метафора мелодии использовалась для характеристики временности сознания у Бергсона и Гуссерля. Ноты следуют друг за другом, но вместе они образуют целостный музыкальный образ, который, наподобие живого существа, не сводим к сумме своих частей. Мелодия кажется целостностью без различения, чистой длительностью, которая характеризуется взаимопроникновением и внутренней самоорганизацией своих элементов. Мелодия – это время, спроецированное в пространство, так как последовательность звуков в ней воспринимается как одновременное восприятие предыдущего и последующего. Это не чистая длительность, свободная от пространства, но и не арифметическая сумма моментов, а их целостность. Развивая метафору мелодии, Бергсон считал, что психическое представление времени связано не с подсчетом отдельных моментов, а с работой памяти, в которой время предстает в качественном измерении. Он писал: «На самом деле длительность не есть количество, и как только мы пытаемся ее измерять, мы бессознательно заменяем ее пространством» [1]. Понимая время как интенсивность, как некий внутренний качественный процесс, Бергсон исходил из вопроса: а что, собственно, длится, как понимать саму длительность. Мы понимаем время как некую однородную среду, в которой делятся предметы и наша собственная жизнь. Но на него можно взглянуть и иначе, а именно – как на такую длительность, которая имманентно присуща существу, будь то вещи или мы сами. Это не мы длимся во времени, а оно длится в нас как становления, в ходе которого происходит изменение бытийствующих во времени сущих.

Бергсон разделяет то, что можно было бы назвать внешним и внутренним временем. Вне меня периодически колеблются маятники часов, которые ничего не меняют в мире. Наблюдая за движением стрелки часов, человек не измеряет время, а считает и складывает одновременности. Но на самом деле внутри сознания происходит изменение организации его состояний, которое Бергсон и называет подлинной длительностью. Определение

времени в пространственной перспективе искажает его суть. Пространство – экстенсивно, такое понятие образовано для описания множества отдельных вещей. Раздельная множественность и пространство – понятия одного порядка. В пространстве есть рядоположенность, но нет длительности, ибо каждое из последовательных состояний мира существует отдельно. Сама их множественность существует только для сознания, в котором отдельные моменты самоорганизуются в целое и таким образом связывают прошлое с настоящим.

Значение концепции Бергсона для гуманитарных наук состоит в том, что время проблематизируется как работа памяти и воображения. То, что было, уже прошло, так сказать, умерло. Оно может быть восстановлено как переживание, которому В. Дильтей придавал фундаментальное значение, и считал первичной формой знания, непосредственно связанного с самой реальностью. Настоящее наполнено прошлым и несет в себе будущее. Но это не означает, что мы можем приложить понятие цели к жизни индивида или нации. Адекватным понятием является формообразование, которое определено структурной взаимосвязью душевной жизни. В этом смысле Дильтей говорил, что жизнь постигает жизнь в форме переживания. Оно протекает в форме впечатлений, а не образов. Другая его особенность – это постижение настоящего: «все, что наличествует для нас, дано лишь в настоящем» [2]. Наконец, главная черта переживания – структурная взаимосвязь, которая определяется целостностью познающего субъекта. Мы обладаем этой взаимосвязью лишь в воспоминании, благодаря которому можем окинуть взглядом прошлое течение жизни. Связь части и целого никогда не реализуется полностью. Для этого необходимо ждать конца жизни или конца истории. Сознание удерживает себя в потоке времени и его опыт остается непрерывным. Поэтому ясно, почему время стало столь значительным для феноменологии, которая ориентируется на неизменные, вечные смыслы. Причина в том, что идеи существуют в темпоральном сознании, в котором происходит трансформация изначального смысла.

Сознание конституирует время и само осуществляется как время. В отличие от неопозитивистов, приписывающих высказываниям о переживании непосредственный характер, феноменология и герменевтика раскрыли систему предпосылок сознания, структурирующих поток переживаний. Опираясь на философскую психологию Ф. Brentano, Э. Гуссерль развил принципиально новую теорию предметности, а также учение о конститутивных актах сознания. Поток сознания, где взаимопроникают друг в друга восприятие, воспоминание и фантазия, оказывается временным. В лекциях по феноменологии восприятия времени он описывал поток переживания времени в терминах ретенции и протенции, как единство памяти и воображения. Переживание настоящего определяется прошлым опытом и предвосхищением будущего.

Наука, опирающаяся на операции счета и измерения, по сути дела, устранила время, ибо ее язык описывает "вневременное" настоящее. Поэтому Гуссерль осуществил феноменологическую редукцию и вынес за скобки проблематику объективного времени. Этим не отрицается длительность вещей, но полагается, что она не дается изначально, а конституируется разнообразными имманентными актами сознания, которые должны быть выполнены для того, чтобы говорить о «реальном времени». Гуссерль пытается пойти дальше Канта, который лишил время трансцендентного статуса, и критикует способ представления времени сознанием на основе интуиции настоящего. "Кажется очевидным и даже неизбежным допущение, что созерцание временной протяженности имеет место в некотором Теперь" [3]. Речь идет о догме, согласно которой сознание стягивает любой предмет, чтобы его фиксировать и воспроизводить, в некую неделимую точку настоящего. У Канта единство сознания не разрушается ходом времени. Гуссерль расширяет временной опыт сознания, дополняя его памятью и воображением. Временными, ддящимися являются не только трансцендентные объекты, но и акты сознания. "Очевидно, что восприятие временного объекта само обладает временностью, что восприятие самой длительности предполагает длительность восприятия, что восприятие любой временной формы само обладает своей временной формой" [4]. Характеристики временного опыта сознания Гуссерль заимствует у Brentano. Последний заметил, что сознание, воспринимая нечто как настоящее, вносит в него своеобразную модификацию, представляя пребывающее в сознании в качестве прошлого.

Гуссерль указал на то, что ощущение длительности и длительность ощущения – две большие разницы. Последовательность, длительность, временность не являются результатом восприятия некоего объективного процесса длительности. К каждому данному представлению отдельного момента присоединяется ещё целый ряд представлений моментов прошлого. Именно благодаря единству восприятия и памяти возможно адекватное восприятие временного объекта.

Прошлое тоже может быть предметом акта восприятия. Однако восприятие только что прошедшего как самоданного бытия – это особый вид восприятия. Временные объекты распространяют свою материю по временному интервалу и конституируют различия во времени как «прошлое» и «настоящее». Воспоминание как репрезентация и вторичная память похоже на структуру восприятия. Теперь-точке восприятия соответствует Теперь-точка воспоминания. Она тоже обладает темпоральным обрамлением. Отличие воспоминания от восприятия состоит в том, что, например, мелодия проигрывается в фантазии, и мы в действительности ее не слышим. Здесь "временное настоящее" является вспомненным, воспроизведенным, а не первично данным и созерцаемым прошлым. "Теперь" являющееся в воспоминании отличается от "Теперь" восприятия тем, что оно не дано, а воспроизведено. В фантазии каждый объект, так или иначе, темпорально растянут, но все его «теперь», «прежде» и «после» оказываются воображаемыми, как и сам объект. Отсюда различие восприятия, которое является первичным актом, конституирующим объект, и воспроизведения, которое ставит перед нами не сам объект, а его образ.

Трем формам времени соответствуют специфические способности сознания – память, воспоминание или удержание прошлого, восприятие настоящего и воображение или ожидание будущего. Память – это вовсе не арифметическое сложение прошлых "теперь", а продуктивное их понимание на основе целого. Восприятие настоящего тоже не является чистым отражением непосредственного положения дел, а является сложным интенциональным актом. И тем более продуктивным оказывается предвосхищение будущего в форме ожидания. Отмеченная продуктивность изменяет чувственные впечатления, но не определяет их наподобие того как это делает, например, интенсивность. По Brentano, реальностью является только «Теперь». Остальные временные модусы ирреальны. Важной корректировкой учения Brentano является утверждение Гуссерля о том, что хотя моменты длительности являются последовательно, тем не менее, такие модусы сознания как воспоминание и ожидание будущего нельзя считать нереальными. Гуссерль выделил в рассуждениях Brentano "феноменологическое ядро", которое состоит в том, что длительность, последовательность являются. Учение же о первичности фантазии он корректирует в пользу приоритета восприятия. Временность не конструируется, а воспринимается. Другим недостатком теории Brentano Гуссерль считал отождествление акта и предмета. Он различал высказывания об имманентном объекте, который длится, и о способе, которым осознается длительность. Точка «теперь» воспринимается, а интервалы длительности удерживаются ретенцией. Гуссерль говорил о перспективе времени, в которой прошлые моменты как бы сливаются и сжимаются. Темпоральное бытие "является" в каком-либо модусе протекания настоящего и прошлого. Их Гуссерль называет "феноменами протекания" или "модусами временной ориентации". Части, отдельные моменты и фазы выделяются лишь в ходе целостного протекания. Однако можно зафиксировать исходную точку, с которой начинается существование имманентного объекта. Он характеризуется как «теперь». Но точка «теперь» может восприниматься и в модусе воспоминания. Этот способ схватывания «теперь» составляет "ядро кометного ядра ретенции", к которому отнесены все предыдущие теперь-точки. При этом происходит постоянное отодвигание в прошлое, свидетельствующее об ограниченности временного горизонта.

Согласно Brentano, в основе схватывания времени лежит фантазия, характеризуемая как репродукция, с необходимостью указывающая на нечто первично данное, воспроизводимое. Но сфантазированное – это не представление и не образ. Сама фантазия может наблюдаться и восприниматься, т.е. схватываться в первичном акте самоданности. Поэтому Гуссерль утверждал, что "между заново воспроизводящей памятью и первичной памятью, которая расширяет Теперь-сознание, существует огромная феноменологическая разница [5]". Репродуцирование «теперь» и превращение «Теперь» в прошлое проходит ступени градации. То же самое можно сказать о непрерывности сознания-фантазии.

Напротив, переход восприятия в фантазию, импрессию в репродукцию имеет скачкообразный характер. Первичное протекание времени нечто устойчивое, на что мы можем взглянуть. Напротив, воспроизведение – нечто свободное, осуществляемое то быстрее, то медленнее, отчетливо или неясно. Оно есть событие внутреннего сознания и как таковое имеет свои модусы протекания, что отсылает к некому целому, которое ими воспроизводится. Поэтому нужно различать модусы ясности, жизненности и т.п. относящиеся к воспроизведенному и к актуальному переживанию воспроизведения.

Итак, есть протекание прошедшего и протекание переживаний о нем в настоящем. Эти серии могут отклоняться друг от друга. Если я осознал временную последовательность, то она несомненна, но это не значит, что некоторое событие действительно имело место в том смысле, в каком я его схватываю. Как может репродуцированное «Теперь» репрезентировать прошлое? Переживания «Теперь» и «Только-что-прошедшего» – разные интенциональные акты. По мнению Гуссерля, они взаимодействуют на уровне конституирования «Теперь» и «Прошлого». Отдельный момент воспринимается как элемент потока происходящего

Вклад Гуссерля в философию времени можно оценить в сравнении с психологическим анализом времени, которое опиралось на математическое понимание длительности как последовательности отдельных моментов. Решающей здесь была аналогия с численным рядом. Время при этом сводилось к пространству. Несуразность такого подхода обнаружилась при анализе объективного времени, которое выступает как становление, где решающим является не количественный рост однородных элементов, а качественное изменение и случайные флуктуации, коренным образом меняющие направление и характер последовательности. Время – открытая система и по отношению к ней недопустимы принципы константности и однородности, словом, все те принципы, благодаря которым конституируется гомогенность мира. Это не время входит в мир, а он существует во времени, в нем случаются новые изменения, которые не были запланированы заранее.

Время, память и история

Философская концептуализация истории должна выявить не только структуру воображаемого, но и формы памяти [6]. Среди них можно выделить, прежде всего, «живую» память участников событий прошлого и «официальную» память, культивируемую идеологами и историками. Обе представляют собой способ интерпретации, селекции и организации прошлого. Живая память обеспечивает идентичность и самоутверждение личности. Официальная – работает на государство, представляя историю как его становление и развитие. К сожалению, сегодня эти «машины памяти» работают вразнобой. Конфликтуют в своих интерпретациях, как участники событий прошлого, так и историки, неспособные вписать в новейшую историю России деяния наших предков.

В эпоху разложения коллективных ценностей, растет интерес к собственной памяти, как способу обретения личной идентичности. Истории частной жизни закрывают трещины разорванной коллективной памяти. Человек становится собственным историком. Благодаря сайтам и форумам люди могут оставить в памяти потомков воспоминания о пережитых событиях. Этот новый вид документалистики открывает перед будущими историками как новые возможности, так и новые проблемы. Вопрос в том, как, и кто будет определять политику памяти, если старые машины цензуры, селекции, комментирования и интерпретации будут отброшены. Что придет им на смену, пока никто сказать не в состоянии.

Если индивидуальная память отличается от науки как формы коллективной памяти, то вовсе не отсутствием мифов, традиций, стереотипов и прочих установок. Поэтому историки правы в своей критике воспоминаний очевидцев. Они пытаются занять ценностно-нейтральную позицию и опираются на факты, но при этом пользуются технологически удобными схемами и концептами, которые тоже подвергаются фетишизации. «Средняя продолжительность жизни», «прожиточный минимум», «класс» и т.п. понятия являются «строительными лесами», которые не следует путать с самим строением. В исторической науке существует множество точек зрения, отражающих позиции различных общественных групп [7]. Кроме того, наука – это еще институт со своей бюрократией и машинерией, структуры которых, подобно приборам в физике, тоже воздействуют на образ реальности.

Структуры исторической памяти зависят от устройства нашего языка. Эта мысль лежит в основе методологии М.М. Бахтина, который изучал роман как форму повествования, пришедшую в эпоху высоких культур на смену эпосу [8]. Эта программа была продолжена П. Рикером и Х. Уайтом, которые выявили типичные сюжеты исторической наррации [9]. Историк – это медиум, который отбирает из исторического поля источников отдельные элементы, складывает их в определенную историческую картину и передает ее аудитории. Сначала элементы исторического поля организуются в "хронику", а затем в "историю", содержащую элементы спектакля. Это напоминает реконструкцию сказочных персонажей в морфологии В.Я. Проппа [10].

Ни индивидуальная, ни коллективная форма памяти не является непосредственным отражением реальной истории, у каждой из них есть свои стереотипы, которые необходимо выявить. Не только очевидцы, но и профессиональные историки составляют весьма разноречивые рассказы. Уже миф является такой обработкой прошлого, в результате которого оно становится либо ужасным, либо героическим. Существуют семейные и народные предания, на которых воспитываются дети. Наконец, возникает история как государственная наука, препарирующая и интерпретирующая исторический материал в интересах патриотизма. Таким образом, историческая реконструкция различных форм меморизации и репрезентации является весьма сложным процессом, исследование которого предполагает философскую рефлексию.

Традиционная история апеллировала к великим предкам, к славной древней истории с целью пробуждения героики настоящего. Это была форма сохранения живой памяти, которая переносит величие предков на их потомков. Наоборот, юридический дискурс описывает историю как эмансипацию общества, в основе которого лежит право и свобода. Произвол власти ограничивается законом. Примером такого исторического нарратива у нас является история России С.М. Соловьева. История перестает быть ритуалом суверенитета у просветителей. Власть уже не воспринимается как связующее начало города, нации, государства. Раскрывается ее обратная сторона: победа одних – это поражение других. Тех, кого славил, генеалогическая история, разоблачаются как насильники и узурпаторы. Фуко замечает, что римская история побед, заменяется еврейской историей поражений [11]. Это история разоблачений поработавшей нас власти.

Новейшая история – это, по сути дела, глубокая трансформация коллективной памяти, приспособление ее для легитимации государства. Раньше память понималась как путь к истине, к прошлому, к традициям и обычаям народа. Память – это устная традиция передачи опыта от поколения к поколению. Поэтому воспоминания очевидцев не только не замалчивались, не вытеснялись в интеллектуальное подполье, а наоборот реанимировались официальными историками как уроки патриотизма. Они не рассматривали прошлое как ужасное. Новейшая история исказила эту память. Она обращалась не к воспоминаниям, а к документам. Исследователи занялись описанием форм коллективной памяти: хроники, справочники, учебники истории, архивы, музеи, создаваемые для сохранения идентичности нации.

Можно указать несколько политик памяти. Одна строится как власть стереотипов, воздействующих из прошлого на настоящее, другая опирается на конструирование прошлого исходя из планов на будущее. Проблема в том, что утрата связи с живой традицией обрекает историю на изоляцию. Историки эпохи застоя превратились в документалистов. Парадоксально, но на исходе советской власти память о революции стала входить в некую отрицательную фазу. В терминах психоистории это можно обозначить как меланхолию. Память во многом зависит от способа репрезентации воображения. Побеждает тот, кто наиболее ярко говорит, и способен воодушевить и повести за собой слушателей.

Сегодняшнюю ностальгию по прошлому можно определить с позиций психоистории как способ избавления от коллективного стресса. В дострессовой фазе внутри группы благодаря хвалебным и воодушевляющим словам развивается единство общества. Революции начинаются с митингов и речей. Из этого возникает дискурс о возрождении и исключительности, который можно считать пассионарным. Однако есть группы, объединенные на основе ressentiment. В фазе кульминации стресса они превращаются в коллективное тело, которое с целью выживания утверждает себя в качестве объекта собственного предпочтения. Коллективная паранойя приводит к вспышкам шовинизма и

формированию образа врага. Проблема в том, что часто вместо реального агрессора в политике используется воображаемый.

Ностальгию по прошлому можно определить как постстрессовую ситуацию. В борьбе есть победители и побежденные. Для организации хорошей жизни, конечно, лучше быть победителем. Но и побежденные как то должны продолжать жить. Главный урок XX в. состоит в том, чтобы исключить свойственное противоборствующим партиям и идеологиям, допущение о неизбежности кризисов, чрезвычайных ситуаций и революций. Всеми силами следует исключать возможность такого рода ситуаций и избегать их всеми возможными средствами.

Мгновение и вечность, ориентирование во времени

Учение Ницше о вечном возвращении можно считать своеобразным мысленным экспериментом, преодолевающим парадокс времени. С одной стороны, мысль о вечном повторении того же самого кажется ужасной, и стихотворение Блока лучше всего выражает этот ужас. С другой стороны, линейная модель времени ничем не лучше. Ницше вместо «бесконечной линии» использовал образ круга, а вместо «потока» и «течения» времени – метафору «события». Так он пытался избавиться от тирании смысла в телеологии: «Если бы у мирового движения была цель, то она была бы уже достигнута [12]». Стало быть, нужно объяснить становление, не прибегая к конечной цели. Оправдан каждый данный момент становления, настоящее нельзя оправдывать ради будущего, а прошедшее ради настоящего. Ни одно мгновение не оправдывается другим, каждое искупает самого себя. Таким образом, вечное возвращение Ницше нужно понимать в понятии мгновения, а не потока времени. По мнению Х. Аренд, через утверждение момента мы утверждаем все время [13]. «Мгновение» при этом понимается как экзистенциальное событие и как способность суждения.

Ницше обсуждал проблему времени в антропологическом аспекте: что такое время в человеческой жизни, что такое память, переживание настоящего и предвосхищение будущего, что такое восприятие, воображение, фантазия? Если каждое мгновение переживается бесчисленное количество раз, то вынести это можно, если предположить, что вечность содержится в самом мгновении. Так оказываются ненужными для описания времени понятия начала и цели. В мгновении пересекаются две вечности – прошлое и настоящее. И это мгновение есть сам человек. С одной стороны, воля это – решимость понять прошлое и представить будущее, с другой стороны, воля обращена в будущее и бессильна изменить прошлое. Отсюда стремление воли превратить "было" в "я так хотел". Стремясь освободить волю от ressentiment, Ницше нашел выход из нигилизма в вечном возвращении. По Аренд, отказ от воли избавляет от ответственности, непереносимой в том случае, если прошлое уже нельзя исправить. Вечное возвращение обеспечивает невинность становления, свободу от вины и ответственности.

Представим момент времени, смысл которого содержится в нем самом и ни к чему не отсылает. Это и есть экзистенциальное время. Но как связаны между собой такие мгновения. Ницше использовал метафору вечного возвращения, а Кьеркегор – повторения. Судьба человека включает в себя некие общие состояния: люди рождаются, взрослеют, вступают в брак, воспитывают детей, наконец, умирают. Вряд ли можно сформулировать для этого нечто подобное универсальным законам, ведь каждый индивидуум исполняет свою роль по-своему. Но, как считал Кант, способность суждения в вопросах индивидуального исполнения своей судьбы тоже необходима. Рефлексия помогает осознать свою конечность и зависимость от других людей. Решимость размышлять о времени – это и есть решение его загадки. Способность суждения освобождает из капкана вечности, человек как просвет бытия способен стать зрителем.

Формой сопротивления спонтанному потоку времени является память. Время течет, одно следует за другим, и смысл не сохраняется. Без воспоминания прошлого в настоящем и без его повторения в будущем жизнь предстает, лишенной всякого смысла. Рефлексия помогает понять прошлое, она удерживает от непосредственной рецепции настоящего и от спекулятивного фантазирования будущего. Важно, что способность суждения выполняет и онтологическую функцию укоренения человека в мире: мир без суждения не имеет никакой человеческой значимости.

Если нет ответа на вопрос, что есть время вообще, то можно размышлять о собственной временности. Вопреки герменевтике, согласно которой смысл развертывается во времени, можно указать на ужас бытия во времени. У греков его символизировал Кронос, божество, пожиравшее своих детей. Если вдуматься, мы не просто плывем по реке времени. Мы сами есть время, оно внутри нас и оно конечно. Каждый день жизни приближает нас к смерти. Время превращает скалы в песок, оно поглощает не только нас, но и наши дела, стирает память о них. Нам неподвластно не только будущее, но и прошлое. То, что было, уже не принадлежит нам. Время раскрывает тщетность наших усилий доказать бессмертие творений человеческого духа.

Ницше, размышляя о пользе и вреде истории для жизни, доказывал, что для воли необходимо забвение. На самом деле прошлое не похоже на могильный камень. Историческая память такой же конструкт, как и модель либерального общества. Она продлевает существование человека как смертного существа. Память – это восстание против напора времени. Современный человек увековечивает себя, добываясь признания со стороны общества. Мы исходим из того, что вечность существования достигается признанием наших творений в культуре. Человек существует во времени, приходит в мир и уходит в небытие. Главный вопрос, как укоренить смертное существование? Ответ Канта на этот экзистенциальный вопрос заключается в том, что только публичное пространство суждения делает наше бытие в мире более прочным, только оно помогает сохранить то, что становится жертвой времени.

Поскольку ориентирование здесь и теперь опирается на прошлое и при этом изменяется с учетом будущего, постольку оно протекает во времени. Все меняется во времени. Но и время течет по-разному в зависимости от ситуации. Познание времени тоже происходит во времени и на время. Ориентироваться во времени – это значит вести себя в соответствии с его требованиями. С одной стороны, тот, кто ориентируется, живет в своем времени и должен уметь приспосабливаться к времени других. С другой стороны, тот, кто живет и меняется во времени, должен сохранять свою идентичность. Получается парадокс: человек – это существо временное и вневременное. Он неразрешим логически. Однако для обыденного мышления нет никакого парадокса в том, что сохранение своего тождества предполагает ориентирование во времени и наоборот. Повседневное ориентирование не испытывает страха перед парадоксами: в одной ситуации верно одно, а в другой другое. В связи с этим в философии также предпринимаются попытки выходы за пределы принципа непротиворечивости. Новое отношение к парадоксам высказал Н. Луман [14]. Он увидел причину страха перед ними в том, что коды, регулирующие поведение, сами не регулируются никакими кодами. Отсюда роль парадокса состоит в том, чтобы заблокировать отсутствие оснований у оснований. С этим сталкиваются религия, этика, философия. Парадокс является следствием применения кода к самому коду. Старт парадоксу дает попытка дальнейшей дифференциации исходной противоположности. Благодаря самообоснованию система замыкается. Но в рамках этой системы уже нельзя решить, что является истинным и ложным: В рамках существующей системы права нельзя решить, является оправданным или нет само различие права и не права. Понимание этого позволяет отбросить поиски окончательных оснований и заставляет держать в поле внимания обе альтернативы.

Заключение

Размышления о времени инициируют социокультурные исследования истории рациональности, где взамен филиации идей предпринимается реконструкция социальных структур и иерархий. Место истины, точнее высказывания, становится предметом исследования современной теории познания. Положение говорящего или пишущего в социальном пространстве, институты, в которых трудятся пишущие индивиды, есть нечто более осязаемое, чем то, что в XIX веке называли духом времени. Трансформацию повседневности называют «медленной историей», а науку о ней – исторической антропологией, которая раскрывает особенности описания времени в науке и литературе, философии и истории, в психологии и социологии. При этом речь идет не только о сравнении моделей времени в различных дисциплинах, но и о выявлении их антропологических оснований или предпосылок. Рассматривая приемы концептуализации

времени, можно улучшить философский инструментарий, способствующий адекватному описанию современности.

Примечания:

1. Бергсон А. Собр. соч. Т.1. М., 1992. С. 96.
2. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. Собр соч. В 6 т. III том М. 2004. С. 279.
3. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Собр. соч. Т.1. М., Гнозис. 1994. С. 23.
4. Там же. С. 25.
5. Там же. С. 49.
6. См.: Muller H. Die Natur der Kultur. Heidelberg, New York, 1996.
7. См.: Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001.
8. См.: Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. Эстетика словесного творчества. М., 1975.
9. См.: Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995.
10. См.: Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1998.
11. Фуко М. Нужно защищать общество. СПб., 2005. С. 87.
12. Ницше Ф. Воля к власти. М. 2005. с.708
13. Арэнд Х. Политическая философия Канта. СПб., 2011. С. 240.
14. См.: Луман Н. Самоописания. М. 2009.

References:

1. Bergson A. Sobr. soch. T.1. M., 1992. S. 96.
2. Dil'tei V. Postroenie istoricheskogo mira v nauках o dukhe. Sobr soch. V 6 t. III tom M. 2004. S. 279.
3. Gusserl' E. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni. Sobr. soch. T.1. M., Gnozis. 1994. S. 23.
4. Tam zhe. S. 25.
5. Tam zhe. S. 49.
6. Sm.: Muller H. Die Natur der Kultur. Heidelberg, New York, 1996.
7. Sm.: Kopusov N.E. Kak dumayut istoriki. M., 2001.
8. Sm.: Bakhtin M.M. Avtor i geroi v esteticheskoi deyatel'nosti. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1975.
9. Sm.: Riker P. Konflikt interpretatsii. M., 1995.
10. Sm.: Propp V.Ya. Morfologiya skazki. M., 1998.
11. Fuko M. Nuzhno zashchishchat' obshchestvo. SPb., 2005. S. 87.
12. Nitsche F. Volya k vlasti. M. 2005. s.708
13. Arend Kh. Politicheskaya filosofiya Kanta. SPb., 2011. C. 240.
14. Sm.: Luman N. Samoopisaniya. M. 2009.

УДК 168

Философия времени

Борис Васильевич Марков

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9
доктор философских наук, профессор
E-mail: bmarkov@mail.ru

Аннотация. Время течет не так, как хочется. Но не верно, что мы не властны над временем. На самом деле общество берет на себя измерение времени, устанавливает распорядок жизни. Стрелка солнечных часов, удары церковного колокола, бой часов на

городской башне, фабричный гудок размечают социальный порядок. Сегодня, часовой механизм имеется у каждого взрослого человека, но это не означает, что индивиды свободно распоряжаются временем. Оно по-прежнему организовано обществом как повседневный, и потому кажущийся естественным, порядок жизни. Априорная структура времени не ограничивается расписанием, она определяет порядок восприятия настоящего, а также воображения и памяти. Все это делает актуальным рассмотрение времени в антропологической перспективе.

Ключевые слова: время; генеалогия; герменевтика; длительность; историзм; настоящее; память; пространство; существование; число.